

ЕВГЕНИЯ
СПАЩЕНКО

ТЕРНОВАЯ
ВЕДЬМА
ИЗОЛЬДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Художественное оформление
Марины Козинаки и Веры Голосовой

Спащенко, Евгения.
С71 Терновая ведьма. Изольда : роман / Евгения Спащенко. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 608 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-106035-0

Если с твоих губ сорвались слова древнего проклятия, остается только собираться в путь. Ведь колючие следы волшебного терновника на лице и теле не смыть ни водой, ни слезами. И будь ты прежде хоть принцесса, теперь станешь терновой ведьмой. Участь твоя — в смятении и печали скитаться по свету, пока не найдешь того, на чью голову пали сотворенные тобою темные чары. Расколдуй его, и, быть может, удастся снова стать человеком. Но дорога далека и полна опасностей. Если не боишься, возьми в спутники серого волка — сквозь буреломы и болота он проведет тебя в страны, о которых никто не слышал, в потаенные уголки твоей собственной души.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106035-0

© Евгения Спащенко, 2017
© М. Козинаки, дизайн обложки, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Я искренне верю, что сказки пишут
не только для детей и по-детски, — они
необходимы и понятны каждому из нас.
Мы любим волшебные сюжеты за мудрость
и свет, пробивающий себе дорогу даже во мраке
самой глубокой ночи.*

*Потому хочу посвятить эту взрослую
колдовскую историю всем на свете
Мечтателям, открытым чудесам. Ведь ее
герои — не только отважная принцесса, верный
волк или величественный ветер, а вы сами —
день за днем побеждающие темноту
в собственной душе.*

Евгения Спащенко

ГЛАВА 1
В НОЧЬ
НА САМХЕЙН

*О ветрах расскажи мне: о тех, что с запада
на восток*

*Гонят лето соцветием жестких колючих трав...
О кувшинках, которые в сладкий зефирный веночек
Сплел июль, синевой небес в озера упав...*

*О лесах: шелковистых, кудрявых, как грива коня,
Тех, что ловят пугливые звезды в ладошки ветвей...
Расскажи про бесшумный туман на рассвете дня,
Оставляющий меловый след у моих дверей.*

*Нашепчи же о песнях купальских плакучих ив,
На которых русалки со смехом качаются у воды,
Да о месяце серебриком, что так красив,
Без утайки на сон грядущий поведай ты...*

Была последняя ночь октября — время, когда принято зажигать огни, чтобы отогнать болотных духов, украшать старый замок гирляндами из золотых и багряных листьев, варить крепкий пунш из рябины и лесного шиповника, — словом, всячески отмечать Праздник сбора урожая.

Солнце давно село, и величественный, притихший в ожидании торжества замок Северин казался черной тенью, нависающей над лесом, сверкающей желтыми глазами-окошками. Беспокойный октябрьский ветер носился над крышами, пригоршнями швыряя в окна сухую листву. Натужно скрипели ветви старых дубов, вторя лихим трелям, что выводили придворные скрипачи. И то ли ночь была слишком темной, то ли всему виной неупокоенные души, которые, по слухам, бродят в такой час в окрестностях, но музыка эта казалась безумной, дьявольской.

Между тем в жарко натопленных комнатах было тепло и уютно. В воздухе витали нежные запахи пирога с яблоками и запеченной тыквы, из бального зала слышались шелест и шарканье десятков ног танцующих пар... Вот-вот должна была начаться заключительная часть бала, потому верхние покои пустовали.

Словно испуганная бродяжка, Изольда тихо кралась вдоль каменных стен, прислушиваясь к любому звуку. С младенчества она хорошо знала каждый закуток древнего замка; кроме того, здешней принцессе не было нужды скрытно пробираться по его коридорам. Но у юной девушки имелась на то своя причина. И, заслышав даже легкие отголоски шагов, она замирала, стараясь исчезнуть, вжаться в очередную нишу для статуи или тесную каморку.

Еще вчера Изольда беззаботно вплетала свои льняные локоны в две тонкие косицы у висков. Шелестя по полу платьем, она вошла в обеденный зал и заняла привычное место по правую руку от единокровного брата. Ужин проходил мирно и непринужденно, пока принц снова не заговорил о замужестве младшей сестры.

— Кажется, Лютинг Мак Тир, владыка Приморского королевства, не так давно отметил двадцатитрехлетие. — Стефан отставил кубок в сторону, и через мгновение его снова наполнили красным вином.

— Угу, — хмыкнула Изольда, даже не подняв взгляда.

— Нужно бы послать ему твой портрет с нашими искренними поздравлениями.

Все за столом вмиг замолчали, даже музыка сделалась тише.

— У него уже есть один, — проворчала принцесса.

— Но там тебе всего десять лет. — Принц сдвинул брови, отчего его благородные черты омрачились. — Завтра тебе исполняется пятнадцать, и твой будущий муж вправе знать, как выглядит его невеста.

— Я уже говорила, что не хочу замуж!

— Вот как, и почему? — Стефан выпрямился на своем обеденном троне и сложил руки на груди.

Теперь в зале стояла мертвая тишина. Придворные советники, охранники и близкие друзья принца смущенно потупились, и только Брума, бабка Изольды, с тревогой следила за разговором.

— Мне нет нужды становиться чьей-то женой. Я навсегда останусь в чертоге Северин.

— Это невозможно. — Стефан покачал головой.

— Почему? Разве я много прошу? — Его сестра отодвинулась от стола и теперь смотрела укоризненно. — В замке живет столько слуг, неужели тебе жаль всего одной комнаты для меня?

— Дело не в этом, Изольда. Кем ты здесь будешь: одинокой затворницей без владений, младшей сестрой короля? Не такого я для тебя хочу! Ты должна править, иметь соб-

ственные земли, которыми сможешь распоряжаться как законная хозяйка...

— Но мне они не нужны. — Изольда предприняла последнюю попытку одержать верх в споре. Она вскочила со стула. — Не заставляй меня терять дом! Или хочешь, чтобы я умерла от тоски по родине, как моя мать?

— Изольда... — Принц Северин устало потер виски и запустил пальцы в густые каштановые волосы.

— Я совсем не знаю властелина Приморского королевства! Он чужой мне, как и его холодный чертог у края Северного моря...

— Ты еще слишком юна, чтобы понять, но позже обязательно осознаешь, что я поступаю верно...

— Выгоняя меня из родного дома?! — Голос принцессы задрожал от обиды.

— Никто не гонит тебя. Я не требую, чтобы ты вышла замуж немедленно. Возможно, хоть одна встреча, знакомство...

— Ты просто бездушный тиран, который боится, что трон его уведет единокровная сестра! — со злостью выпалила Изольда.

— Ну, хватит. — Стефан медленно поднялся из-за стола. — Отправляйся в свою комнату и оставайся там, пока не успокоишься. Принцессе не пристало закатывать истерики.

— Тогда я вообще не хочу быть принцессой! — Уже всхлипывая, девушка что есть силы пнула ногой свой стул, и он подпрыгнул, сбив со стола хрустальный кубок.

— Не нужно меня провожать! — сердито прошипела она подскочившей служанке и, задрав платье повыше, бросилась вон из обеденного зала.

Вечер был безнадежно испорчен, вскоре за столом остались только принц и бабушка юной принцессы.

— Я люблю Изольду, — наконец вымолвил Стефан, — и поэтому желаю ей лучшей судьбы. Нельзя допустить, чтобы девочка, словно тень, скиталась по окрестностям всю жизнь.

— Ваше высочество, кроме вас и меня, у нее никого нет. Немудрено, что принцесса не хочет покидать родные стены. Ее мать давно умерла, а я слишком стара для долгих путе-

шествий... Так что в чужих землях она будет совсем одна, — проговорила Брума.

— И как же мне поступить, Брума? Оставить ее в покое? Отказывать всем претендентам на руку сестры, пока однажды предложения не прекратятся вовсе?

Прежде чем дать совет, старая женщина почтительно помолчала.

— Видят боги, стоит немного повременить...

— Не думаю, что она образумится. — Принц со вздохом плеснул себе красного вина.

— Нет. — Брума тяжело поднялась из кресла. — Но попробуйте действовать хитростью. Познакомьте ее с кем-то здесь, в замке...

Памятуя об упрямстве Изольды, Стефан не очень-то верил, что из этого что-то выйдет.

— Невозможно быть хорошим братом, добрым человеком и справедливым королем одновременно. — Он залпом осушил второй кубок и замер напротив окна.

Лесная чаща вдалеке угрюмо чернела на фоне ночного неба. Холодные огоньки звезд казались россыпью крошечных зерен-искорок.

Лицо престолонаследника помрачнело, плечи поникли. Лишь взглянув на него, можно было понять, как сильно он расстроен.

Рассудив, что Стефан вряд ли послушает ее сейчас, Брума сочла, что лучше оставить его в полном одиночестве. Пусть долг и древние заветы помогут будущему королю решить, как сделать сестру счастливой.

До рассвета проплакала несчастная Изольда. Отчаянье душило ее, девушка заперлась на засов и не впустила даже бабку, когда та пришла пожелать доброй ночи.

Принцесса любила Стефана, хоть и была ему единокровной сестрой. Всю жизнь он оберегал ее, баловал, разрешал даже самые сложные задачи. Верхом на вороном коне величественный Северин казался Изольде идеальным будущим королем. Честный, справедливый, добрый, он заменил ей отца и мать и был ее самым близким другом — до тех пор, пока однажды не заговорил о замужестве.

Сначала слова брата вызывали у принцессы лишь смех: она весело шутила о том, как придумает для своих женихов такие сложные испытания, что пройти их не сможет никто. Затем говорила, будто ни один из рыцарей не достоин ее красоты... Но мало-помалу Стефан становился серьезнее, присылал сестре портреты будущих королей, надоедал разговорами о поездках в чужие края.

Эти речи печалили девушку. Дни и даже недели, омраченные мыслями о свадьбе, пропитались горечью, и ничто не могло обрадовать принцессу в такие минуты. Не раз она вспоминала историю свой матери — мачехи Стефана, которую его отец привез во владения Северин издалека. Ее чудесная диковинная для здешних земель красота настолько пленила короля, что он не замечал, как молодая жена чахнет с каждым днем. Она скучала по родным краям так сильно, что развеселить ее не могли ни бабушка Брума, ни даже новорожденная дочка.

И вот однажды королева совсем слегла, день за днем ей становилось все хуже. А потом, в разгар лета, случилась страшная гроза. Молнии, по словам слуг, грозились расколоть замок надвое, от грома дрожали стены, закладывало уши. Слишком поздно король заметил, что его супруги нет ни в ее покоях, ни где-нибудь еще. Королеву нашли лишь под утро, на опушке леса: замерзшую и бездыханную. А спустя два года несчастный случай на охоте унес жизнь самого короля.

«Проклятие... — суеверно шептались крестьяне на полях, со страхом поглядывая в сторону замка. — Вот что значит взять в жену чужеземку... Да еще из колдовского рода, в котором каждая третья женщина — ведьма».

Но до Изольды почти не долетали обрывки таинственных сплетен. Никто не говорил с девочкой о болезни ее матери, в замке эта тема была под строжайшим запретом. Хотя не раз принцесса думала о том, что, если бы королева осталась в родных краях, все сложилось бы иначе.

Может, поэтому она так не хотела покидать дом. Он стал для нее незыблемым оплотом, местом, где ничего не меняется и можно не страшиться будущего.

И теперь сердце принцессы разрывалось от печали, ведь горячо любимый брат сделался вдруг чужим, словно хотел избавиться от нее, поскорее выслать прочь.

Но разве его в том вина? Или напыщенные, чванливые принцы спутали светлые мысли Северина, внушили ему, будто юная Изольда непременно должна стать чьей-нибудь женой?

О, как она ненавидела их всех.

С каждым месяцем в душе девушки крепла злость к женщинам, желающим увезти ее, обречь на несчастье. Жестокими и безобразными они представлялись ей, а еще глупыми и жадными до власти. Чтобы обвинить будущих королей во внезапной безжалостности брата, Изольда готова была мысленно превратить их в чудовищ. И особенно сильно она ненавидела принца Лютинга, о котором чуть ли не каждую неделю вспоминал Стефан. Приморский наглец больше остальных желал жениться на ней — разумеется, чтобы породниться с королевством Северин. А чувства невесты совсем его не тревожили.

Пятнадцатый день рождения начался совершенно не празднично. Ни одного ароматного осеннего букета не обнаружила Изольда у своей постели. Брат все еще гневался, потому не пришел ее поздравить. Поднявшись спозаранку

печальной и совершенно разбитой, принцесса отказалась спускаться к завтраку. Не вышла она и когда из деревни явились крестьянские дети, чтобы украсить замок к празднику Самхейна. Отказалась даже отворить двери служанке, которая принесла нарядное платье и туфельки.

Запахи с кухни, шум во дворе, возня королевских гончих на псарне и веселый смех молодых горничных, наводивших порядок в верхних покоях, — все раздражало Изольду в этот день.

Из своего окна она видела, как Стефан уехал верхом по каким-то срочным делам, обещав вернуться к вечернему торжеству. Прежде чем тронуть коня, он задумчиво поглядел в сторону башенки Изольды, но принцесса тут же задернула шторы, не желая мириться с братом даже взглядом.

— Ты был несправедлив ко мне, — пробормотала она, прячась за занавеской, — так чувствуй же себя виноватым!

Весь день она провела в своих покоях, расхаживая по комнате, бездумно заплетая длинные волосы в косу и раз за разом распуская ее. С остекленевшими глазами принцесса рылась в сундуках, извлекала оттуда платья и накидки, разбрасывала по комнате, шуршала бумагой, пытаясь написать кому-нибудь письмо. И с каждой секундой гнев в ее сердце распался все жарче.

«Пусть празднуют, — с досадой думала Изольда. — Будто позабыли, что сегодня мой день рождения. Не раскрою ни одного подарка, ни кусочка пирога не возьму в рот! Если повзрослеть — значит непременно выйти замуж, то я навсегда останусь в этой комнате пятнадцатилетней! Ну, или хотя бы до тех пор, пока проклятые женихи не потеряют ко мне всякий интерес».

Вздыхнув горестно, она повалилась на кровать, раскинула руки, и тут ее пальцы нащупали деревянную рамку миниатюрного портрета. С раздражением принцесса схватила его и уставилась в нарисованные зеленые глаза принца Мак Тира. Он выглядел старше своих двадцати трех лет, смотрел куда-то вдаль, как будто не интересуясь Изольдой, и совсем

не походил на жестокого самодержца. Но художник не мог провести девушку своими уловками.

— Я знаю, Лютинг, ты не оставишь меня в покое даже здесь! — зашипела она. — Словно зверь, будешь рыскать по окрестностям, вертеться у моей башни, подстерегая, дожидаясь, когда дверь отворится. Станешь петь сладким голосом, приносить мне головы убитых драконов, чтобы, притворившись доблестным рыцарем, схватить меня однажды и увезти к угрюмому Северному морю — в край, где дуют ледяные ветра... На этом закончится твоя доброта, безразлично ты будешь наблюдать, как в темнице из серых камней глаза мои теряют цвет, как холодная соленая вода делает меня похожей на застывшую статую...

Девушка все бубнила, заламывая руки. От страшных видений она совершенно обезумела.

Солнце провалилось за горизонт, и в комнате резко потемнело. Черные тени замелькали на стенах, словно хищные голодные птицы. Но разъяренная Изольда не замечала ничего вокруг. Кружась, будто в трансе, она пристально глядела на портрет. Голубые глаза полыхали, как два блуждающих огонька на пустынной дороге, светлые волосы торчали во все стороны неряшливой копной, пальцы скрючились.

— Это ты виноват во всем! — задыхаясь, выкрикнула принцесса. — Твои зеленые глаза следят за мной из-за рек и лесов, не дают спокойно жить. Ты — чудовище и не должен ходить среди людей. Голодный зверь, рыскающий в поисках невинных душ. Так и стань же им, чтобы никто не смог полюбить тебя, последовать за тобой!

Последние слова она прокричала злобно, словно проклятье, сама себя не слыша. И стоило ей произнести их, как прямо за окном мелькнула молния, раздался стальной раскат грома, а за ним — звук бьющегося стекла. Это ветер, ошалевший от колдовства праздничной ночи, ударил по стене раскрытыми настежь створками.

Очнувшись от оцепенения, Изольда выронила из рук картину и бросилась собирать разноцветные осколки. Вся

ее ярость испарилась, принцесса чувствовала себя уставшей и одинокой. Плечи дрожали, в голове стоял такой туман, что девушка с трудом вспоминала, как еще минуту назад танцевала по комнате, неистово хохоча и размахивая руками. Отчаявшись совладать с разбитым стеклом, она с трудом доползла до постели, в которую и упала.

Открыла глаза принцесса уже за полночь — от завывания ветра в голых ветвях. В спальне было холодно, огонь в камине не разжигали со вчерашнего вечера. С тяжелой головой Изольда сползла с кровати и попыталась засветить свечу. Спустя минуту огоньки в канделябрах тускло замерцали.

Чтобы успокоиться, девушка взялась за расческу, поставив один из подсвечников у большого зеркала. Но тут же выронила гребешок — на ее руках чернели длинные полосы.

Подскочив к свету, она еще раз посмотрела на ладони, протерла глаза — жирные темные линии никуда не исчезли. словно нарисованные чернилами, они покрывали руки Изольды до самых плеч. Она в ужасе принялась тереть их сначала подолом платья, а затем платком, смоченным водой из кувшина. Но ничего не происходило.

Подбежав к зеркалу, принцесса вскрикнула. Полосы были и на ее щеках, со лба плавные линии спускались на шею. Дрожащими руками девушка растегнула пуговицы, скинула платье...

Больше всего узоры напоминали нарисованные ветви терновника: словно колючий кустарник обвил принцессу с головы до пят. Линии вились по ее плечам, спине, оплетали бедра. Как бы сильно девушка ни терла их тканью или жесткой мочалкой, ничего не происходило. Спустя четверть часа нежная кожа покраснела, а колючки только проступили отчетливее.

В отчаянии Изольда заплакала, она не могла понять, что произошло, но знала: несчастье случилось по ее вине. Музыка в бальном зале гремела все неистовее, заглушая рыдания принцессы.

